

Александр К. Киклевич

О НОМИНАТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ПРЕДИКАТА

В современной лингвистике широкое распространение получила идея о том, что предикат лишен референции. Так, Н. Д. Арутюнова (1976, 378) пишет:

«...Субъект служит знаковым заместителем предмета действительности, а предикат лишен референции к предмету, он – его означающее – есть субститут отвлеченного понятия, т.е. относит только к своему означаемому. Субъект принадлежит миру, а предикат – мышлению о мире. «Чудо» предложения как раз в том и состоит, что в нем достигнут некоторый синтез категорий мышления и элементов объективной реальности, установлена связь между миром и человеком» (см. также: Karolak 1990, 34).

Различая два типа лексического обозначения предметов – *выделение* (или именованье) и *характеристику* (или предикацию), С. Д. Кацнельсон (1986, 27) считал, что специализация предметных имен состоит в указании на круг участников описываемой ситуации, а предикативные слова исключительно дескриптивны – они лишь расчленяют содержание предметов, выделяя из него отдельные стороны. Имена предметов и имена понятий имеют различную синтаксическую значимость: от степени конкретизации имен предметов зависит денотативное значение высказывания в целом, а имена понятий – как бы застывшие категории, они не допускают большей или меньшей конкретизации и не влияют на истинностное значение декларативных высказываний.

Вместе с тем пропозициональный предикат – номинативная категория (Гак 1992, 77; Гуревич 1983, 59; Schwenk 1991, 71). Это проявляется в существовании подклассов субстанциональных (полнозначных) и формально-реляционных глаголов, а также более частных семантических подклассов (Булыгина/Шмелев 1989, 54; Мартынов 1966, 80–82; Мустайоки 1993, 72–77; Семантические типы предикатов 1982, 84–85; Чейф 1975, 194; Daneš 1985, 100; Grzegorzczukowa 1990, 116; Helbig 1992, 158–161). Широко распространенное мнение о нереперентности предикатных слов критикует Ю. А. Левицкий:

«Не может быть слова либо с одним денотатом (без сигнификата), либо с одним сигнификатом (без денотата). В этом плане нет принципиального различия между индивидуальными (собственными), предметными (конкретными) и абстрактными именами. Различие здесь в видах понятий, каждое из которых имеет свое содержание и свой объем» (Левицкий 1991, 18).

Поскольку атрибутивное суждение является одной из форм интерпретации денотата высказывания (Киклевич 1999, 160–163), то его категории лишены номинативности. Подлежащее – это лишь «предмет сообщения», а сказуемое – лишь «то, что сообщается о предмете». Компоненты атрибутивного суждения связаны не со структурой описываемой ситуации, а со структурой ее отражения в мысли (Киклевич 1996, 192 и сл.).

«Значение простого декларативного предложения состоит в отношении между выражением и описываемой ситуацией» (Barwise/Perry 1987, 24; см. также: Теория функциональной грамматики 1992, 30). Характер данного отношения может быть двояким, а семантическая структура высказывания (а именно – диктум) включает два основных компонента: денотат и сигнификат. Денотативное значение высказывания состоит в указании на конкретную ситуацию, благодаря чему высказывание-констатив может быть истинным или ложным. Сигнификативное значение высказывания, как писал еще Г. Фреге (1977, 183), «отражает способ представления обозначаемого данным знаком» и манифестируется пропозицией, которая соотносит конкретное описываемое событие с определенным ситуативным типом. В ситуативной семантике тип ситуации описывается с помощью понятий «индивиды» (a, b, c) и «отношения» (p, r, q, s). Например, высказывание *Дерево растет* относит описываемую ситуацию к типу (a, p), а высказывание *Кошка пьет молоко* – к типу (a, b, p).

Один и тот же смысл, писал Л. Витгенштейн (1985, 115), допускает истинное и ложное употребление. Значит, смысл высказывания отражает возможное положение вещей. Пропозиция потенциально соотносима с множеством однотипных ситуаций, которое составляет ее

объем. Все референты в объеме знака, в том числе – референты пропозиции, задаваемые дескриптивными условиями, а именно – его смыслом, называются возможными мирами. Р. Монтегю (1981, 224) трактует возможные миры как «возможные ситуации использования» знаков. Поскольку один и тот же смысл соотносится с множеством возможных миров, то пропозицию можно определить и как класс возможных миров, по отношению к которому смысл актуализируется в виде истины или лжи (Столнейкер 1985, 421; Semantik 1991, 72–80).

Одним из оснований дифференциации компонентов высказывания на аргументы и предикаты выступает как раз их отношение к сигнификативной и денотативной семантике высказывания. В современной лингвистической теории значения широкое распространение получило логическое положение (сформулированное А. Тарским), согласно которому пропозиция превращается в высказывание со значением истины/лжи только при условии, когда неопределенные аргументы (в логике – переменные) становятся определенными (в логике – константами) или же когда к ним применяются актуализаторы (кванторы). Подобное представление семантики высказывания приемлемо в логике, но для естественных языков является упрощенным. Во-первых, замена неопределенной дескрипции на имя собственное, вопреки постулатам теории референции, не всегда приводит к появлению у высказывания значения истины или лжи. Рассмотрим высказывание *Иван Петрович болен*. Как и высказывание *X болен* или *X обладает свойством P*, данное выражение не может быть признано ни истинным, ни ложным, пока не будет определен референциальный статус аргумента *Иван Петрович*, т.е. пока он не будет соотнесен с референциальной рамкой говорящего/слушающего (Казаков/Якушев 1994, 5). Иными словами, пока мы не знаем о каком конкретно *Иване Петровиче* идет речь, высказывание не может быть квалифицировано как истинное/ложное.

Во-вторых, истинностное значение высказывания невозможно установить до тех пор, пока не определен денотативный статус предиката. В высказывании *Этот студент поет* предикат *поет* может быть интерпретирован в качественном или эпизодическом значении, ср.: *Этот студент занимается пением* и *Этот студент в данный момент поет*.

Поскольку денотативное значение (референция) высказывания рассматривается в лингвистической семантике как такое его свойство, которое не зависит от характера предиката, то предикату остается только сигнификативная функция. Благодаря своим валентностным свойствам предикат определяет структуру пропозиции. «Смысл того или иного конкретного предиката <...> трудно понять без прямого или косвенного указания на объекты, о которых может идти речь в соответствующих высказываниях» (Логический словарь 1994, 190; см. также: Кацнельсон 1986, 151). Это дает основание для замены понятия пропозиции понятием предиката и наоборот – понятие предиката понятием пропозиции. Так поступает Ю. Д. Апресян (1994, 33), предпочитая семантическому толкованию предиката *обещать* толкование пропозиции *X обещает Y-у, что сделает P*.

Отождествление предиката и пропозиции возможно как отождествление конкретных семантических функций. Что же касается языковых форм манифестации предиката, то, разумеется, указанием на сетку ситуативных отношений между предметами их содержание не ограничивается. В содержании предикатных лексем (или вербальных групп, далее – ВГ, которые противопоставляются именованным группам, далее – ИГ) имеется обычно указание на сигнификативные признаки входящих в его валентностное поле предметных имен. Так, для определения предиката *дойти* недостаточно указания на места, заполнение которых требуется в соответствии с его синтаксической валентностью. Языковое содержание глагольного предиката *дойти* включает дескриптивную характеристику всех обязательных предметов, например, то, что субъектом выступает одушевленное лицо, которое многократно воздействует на вымя самки парнокопытного животного с целью получения молока.

В данной работе предлагается новая трактовка семантической природы предикатных слов, частично представленная в предыдущих публикациях (Киклевич 1997, 3–5; 1998, 25–29; 1999, 179). Прежде всего, различаются предикат пропозиции, например, *P* в выражении *P(x, y, z)*, и предикат атрибутивного суждения, например, *P* в выра-

жении *S есть P*. Поскольку определения подлежащего и сказуемого включают ссылку на речевой акт (а именно – на сообщение), то данные категории являются интерпретативными – выступают как результат субъективного соотнесения тех или иных компонентов пропозиции с коммуникативной интенцией говорящего, а точнее – интерпретация одного компонента как того, о чем сообщается, и другого компонента – как того, что сообщается.

«Главное в значении слова – это обобщенный характер содержащегося в нем отражения реальности», – писал С. Д. Кацнельсон (1986, 18). Это положение верно применительно к предметным и непредметным знакам, различие между которыми заключается в степени и характере обобщения объектов номинации. Обобщенность лексического значения ИГ может быть градуирована с помощью двух признаков: дескриптивной (сигнификативной) и референтной (денотативной) функций (см. таблицу 1).

Таблица 1

Дескриптивная функция	Референтная функция	Уровень обобщения
+	+	I
–	+	II
+	–	III

Наиболее высокий уровень обобщения (III) соответствует нарицательным (общим) именам (неопределенным дескрипциям) типа *стол*, которые обозначают принадлежность предмета к тому или иному виртуальному таксономическому классу. Иногда их функция обозначается как атрибутивная – 'быть столом'.

На втором уровне обобщения выделяются имена собственные (которые могут употребляться и нереферентно), субстантивные местоимения *я, ты, она, это* и т.п. (им тоже свойственно нереферентное употребление, см.: Киклевич 1999, 181 и сл.), а также так называемые «семантические примитивы» *предмет, объект, нечто, субстанция, икс* и др.

Наконец, первый уровень обобщения соответствует именам, которые обладают дескриптивной и референтной функцией, обозначая индивидуализированные предметы или множества, это – определенные дескрипции типа *мой товарищ, та дверь, данные аргументы*.

В математической логике трактовка предикатов противоречива: с одной стороны, они обычно не разделяются на переменные и константы, с другой стороны, допускается, что предикаты, подобно аргументам, могут быть проквантифицированы. В естественном языке предикаты могут быть описаны с помощью метаязыка, который принципиально не отличается от метаязыка, используемого при моделировании семантики аргументов. Матрица, отражающая градацию предметных имен по степени их абстрактности (см. таблицу 1), может быть применена и для описания предикатных значений.

Максимальной степенью обобщенности (III) характеризуются предикаты, выполняющие дескриптивную функцию: например, предикат *бежать*, в отличие от *производить действие*, включает сигнификативную характеристику отдельных аргументов, условия осуществления действия, ср.: 'быстро перебирая ногами, перемещаться каком-либо направлении'. (Здесь мы не рассматриваем лишние дескриптивной и референтной функции предикатные примитивы типа *делать, осуществлять/производить действие, быть в состоянии, обладать свойством, иметь отношение*, употребление которых в речи довольно искусственно и обычно ограничено рамками научного метаязыка, ср.: *Нечто воздействует на нечто*.)

Следующему уровню абстрактности (II) соответствуют «местоглаголия» типа *сделать это*, ср.: *Вчера кто-то из учеников разбил окно на первом этаже. Кто сделал это?* Предикат *сделал это* обозначает конкретное действие, упомянутое в речи.

Наконец, можно говорить и о ВГ с наименее обобщенным значением, которые выполняют дескриптивную и референтную функцию, т.е. обозначают конкретное действие/состояние. Например, в высказывании *Навстречу нам бежит Иван* предикат *бежит* обладает значе-

нием определенности – обозначает конкретное однократное наблюдаемое действие. Благодаря референтности ВГ высказывание обладает значением синтетической (эмпирической) истинности – является правдивым или неправдивым в зависимости от того, имеет ли место описываемая ситуация. В высказывании *Иван бежит/бежит сто метров за 10 секунд* ВГ лишена референтной функции, поскольку индивидуализированная конкретная ситуация в данном случае отсутствует, ср. трансформы: *Если Иван бежит сто метров, он способен сделать это за 10 секунд*. Как видим, здесь реализуется аналитическая истинность, основывающаяся на логической связи нескольких простых высказываний. Не все ВГ способны обладать референтной функцией – некоторые из них (*являться, обладать, встречаться, любить, нравиться, ненавидеть* и др.) в силу своего лексического значения обозначают неситуативные, качественные характеристики.

Структура значения, включающая сигнификативный и денотативный компоненты (интенционал – экстенционал, содержание – объем), является универсальной, присущей не только предметным, но и предикатным именам. Наиболее перспективным направлением исследования этой структуры, с нашей точки зрения, является ситуативный подход. Языковым коррелятом ситуации выступает пропозиция, например, $P(x, y)$, где x, y – аргументы (обозначающие предметы), P – предикат. В основе номинации лежит обобщение, а в основе обобщения – повторяемость ситуаций:

$P(a, k)$
 $P(b, l)$
 $P(c, m)$
 $P(d, n)$ и т.д.

Благодаря повторяемости ситуации предметы a, b, c, d и предметы k, l, m, n могут быть объединены в два множества с признаками ‘первый аргумент отношения P ’ и ‘второй аргумент отношения P ’. Подобные функциональные определения лежат в основе лексических значений (и внутренней формы) существительных *строитель* = ‘тот, кто строит / субъект строительства’ и *здание* = ‘то, что строится / объект-результат строительства’. Психологи считают, что именно функциональные признаки предмета лежат в основе понятия и что именно они отличают понятие от представления (Корсаков 1981, 20–21).

Градацию значения определенности предметных имен можно при таком подходе представить в виде матрицы (см. таблицу 2).

Таблица 2

I	II	III	IV
$P(a, k)$	$P(a, k)$	$P(a, k)$	$P(a)$
	$P(b, l)$	$P(b, l)$	$P(a, k)$
	$P(c, m)$	$P(c, m)$	$P(a, k, t)$
	$P(d, n)$	$P(d, n)$	$P(b)$
		$Q(e, o)$	$P(b, l)$
		$Q(f, p)$	$P(b, l, t)$
		$Q(g, r)$...
		$Q(h, s)$	$Q(e)$
			$Q(e, o)$
			$Q(e, o, u)$
			$Q(f)$
			$Q(f, p)$
			$Q(f, p, u)$
		...	

Наиболее высокий уровень обобщения предмета (IV) отражает обшая синтаксическая функция ИГ, а именно – функция аргумента, т.е. указания на предметного участника ситуации. Эта функция аргументов (в матрице им соответствует множество $\{a, b, e, f,$

k, l, o, p, t, u }) противопоставляется функции предикатов P, Q . Характерная для ИГ функция аргумента совпадает с референтной функцией – обозначением предметов, хотя ИГ употребляются и в нереферентной функции, например, в высказывании *Собака бежит быстрее человека*, где ИГ *собака* и *человека* не только являются аргументами при предикате *бежать*, но и пропозициональными предикатами *быть собакой* и *быть человеком*.

Далее (уровень III) следует частная синтаксическая функция, которая устанавливается в множестве ситуаций с различными по содержанию отношениями (P, Q), но изоморфичных по своей структуре. Так, в множестве ситуаций, представленных в третьем столбце матрицы, можно выделить две синтаксические функции аргументов – первый предметный аргумент пропозиции и второй предметный аргумент пропозиции.

Очередному уровню абстракции (II) соответствует дескриптивная функция ИГ, область значения которой составляет множество ситуаций с однотипными отношениями предметов. Так, аргументы a, b, c, d могут быть идентифицированы с помощью признака ‘первый аргумент при предикате P ’.

Минимальный уровень обобщения (I) воплощается в детерминативной функции ИГ – когда они обозначают определенные с точки зрения субъекта речи, индивидуализированные предметы, участвующие в конкретной ситуации. Так, аргумент a в формуле $P(a, k)$ можно определить как ‘первый аргумент при предикате P , известный как a ’.

Приведенный ранее пример дескриптивной функции (*строитель*) в некотором отношении идеален – в основе лексического значения в этом случае лежат два признака – указание на предикат и место, занимаемое аргументом в его поле валентности, а само лексическое значение совпадает с внутренней формой. Обычно же сигнификативное содержание знака представляет совокупность большего количества признаков, ср.: *нож* = ‘инструмент для резания, состоящий из лезвия и ручки’. Данное семантическое толкование включает три признака: 1) инструмент для резания; 2) имеет лезвие; 3) имеет ручку. Это означает, что имеются три ситуативных типа и три соответствующих им пропозиции, в которых потенциальные референты существительного *нож* занимают определенные предметные места. Эти пропозиции можно представить следующим образом:

$$P(x, y, z),$$

где P – предикат (дескриптор) *резать*, x, y, z – аргументы: субъект, объект и инструмент;

$$\begin{array}{l} Q(x, y) \\ R(y), \end{array}$$

где Q, R – предикаты *иметь* и *лезвие*, x, y – аргументы: субъект, объект;

$$\begin{array}{l} Q(x, y) \\ S(y), \end{array}$$

где Q, S – предикаты *иметь* и *ручка*, x, y – аргументы: субъект, объект.

Номинация в подобных случаях основывается на кореферентности аргументов в нескольких пропозициях: имеется по крайней мере один предмет, по отношению к которому выполняются предикаты всех рассматриваемых пропозиций. Например, существует предмет a , такой, который является инструментом резания, имеет лезвие и ручку, т.е. является третьим аргументом первой пропозиции, вторым аргументом второй и третьей пропозиции, ср.:

$$\begin{array}{l} P(x, y, a) \ \& \ Q(x, a) \ \& \ Q(x, a) \\ R(a) \qquad \quad S(a). \end{array}$$

Подобным образом – как обобщение серии однотипных ситуаций – можно представить и семантику предикатных слов, причем для отражения градации определенности предикативного значения может быть использована уже знакомая нам матрица (см. таблицу 2). Столбец IV содержит множество пропозиций, общим признаком которых является наличие отноше-

ния между индивидуальными терминами. Имеющая значение 'быть предикатом' общая синтаксическая функция ВГ является результатом максимального обобщения пропозициональных структур.

Уровню обобщения III соответствует частная синтаксическая функция предиката, имеющая в рассматриваемом случае значение 'двухместный предикат'.

Дескриптивная функция ВГ (уровень II) заключается в характеристике аргументов, которые участвуют в данном отношении. А. А. Уфимцева (1974, 117) определяет лексическое значение глагола как «представление об объеме и характере семантических категорий имен, совместимых с данным действием». Дескриптивная функция предиката устанавливается благодаря тому, что аргументы, которые при данном предикате выполняют одну и ту же синтаксическую функцию, обладают общим сигнификативным признаком. Уже сам набор предметов может предопределять характер отношения между ними, ср.: *извозчик, лошадь, кнут* → *погонять* (Касевич 1988, 61); *Татьяна в лес, медведь за ней* (А. Пушкин).

Таким образом, номинация предметных и предикатных имен – это два хотя и не идентичных, но взаимосвязанных процесса: обозначение предметов осуществляется посредством указания на охватывающие их отношения, а обозначение отношений – на участвующие в них предметы. И в одном, и в другом случаях онтологической сферой номинации является не изолированный предмет или изолированное отношение, а целостная ситуация.

Конкретизация сигнификативной семантики предиката осуществляется, помимо аргументов, с помощью симптомов отношения – таких, как цель, результат, назначение, причина, а также с помощью характеристик данного отношения. Так, лексическое значение глагола *кормить* содержит дескрипторы: субъект – 'человек', объект – 'живое существо', средство – 'еда'. Кроме этого семантическое толкование данного глагола, по-видимому, должно включать указание на симптом, а именно – цель действия 'насыщение объекта'. В целом значение *кормить* может быть интерпретировано так: $X \text{ кормит } Y\text{-а } Z\text{-ом} = \text{'Лицо } X \text{ воздействует на живое существо } Y \text{ с помощью еды } Z \text{ с целью насытить живое существо } Y\text{'}$.

Различие глагольных предикатов *бежать* и *идти* основывается на характеристике действия ('скорость'), которую на языке логики предикатов можно записать в виде предиката второго порядка. Дескриптивные признаки аргументов и симптомы в данном случае будут, видимо, одинаковыми – 'перебирая ногами, двигаться в определенном направлении'. Однако в первом случае движение характеризуется как быстрое, а во втором – как не быстрое.

В. Б. Касевич (1988, 61) указывает, что «предикат как толкование с необходимостью включает переменные, а из этого следует, что нереферентность элементов, заполняющих его валентности, носит принципиальный характер». Однако «предикат как толкование» принадлежит системе языка и представляет собой результат обобщения ситуаций. Применительно же к конкретной, индивидуализированной ситуации предикат, подобно аргументам – предметным именам, реализуется в референтном значении – он обозначает конкретное выделенное отношение конкретных выделенных предметов. В этом случае можно говорить об экстенсionalе предиката (Косеска-Тошева/Гаргов 1990, 21). Именно этой референтной функции предикатов в таблице 2 соответствует столбец I – максимальная конкретность синтаксического содержания ВГ.

Существуют два типа операторов референтности – внутри и вне синтаксической структуры. Структурными операторами являются местоимения и частицы, в терминологии И. И. Ревзина (1978, 142) – локализаторы. Например: *этот шар, данная тема, мой зонтик, сделать это, здесь говорилось, в данный момент пишет* и т.д. В лингвистической литературе известно деление предикатов на общие – частные, качественные – эпизодические (Булыгина/Шмелев 1989, 54–55; Мартынов 1966, 80–82; Семантические типы предикатов 1982, 84–85; Чейф 1975, 194). Это противопоставление, в основном, соответствует оппозиции предикатов, которые выполняют референтную функцию (частные/эпизодические) и которые ее лишены (общие/качественные). Рассмотрим высказывание *Вот бежит собака*. Глагол *бежит* обладает здесь несколькими признаками: во-первых, он выражает синтакси-

ческую функцию одноместного предиката; во-вторых, он выполняет дескриптивную функцию ‘быстрое действие, производимое предметом x – живым существом с помощью предмета y – ног с целью изменения местонахождения x ’; в-третьих, глаголу *бежит* в данном высказывании свойственна также референтная функция: ‘действие является наблюдаемым (известным говорящему или источнику информации)’. Ср. толкование высказывания в целом: *Вот бежит собака* = ‘Предмет x , живое существо, которое является собакой, осуществляет действие с помощью предмета y – ног; действие x является быстрым; цель действия – изменение местонахождения x ; действие x наблюдаемо’. Таким образом, в высказываниях с предикатами, которые обладают определенным денотативным статусом, содержится специальный оператор перцептивности, который включает обозначаемое предикатом действие или состояние в референтную рамку говорящего. Конкретным маркером денотативного статуса предиката в данном случае выступает частица *вот*, которая означает эмпирическую определенность предиката. Высказывание *Вот бежит собака* можно преобразовать в высказывание *Я вижу, как в данный момент бежит собака*.

Сравним семантические толкования высказываний *Этот мальчик быстро бежит* и *Этот мальчик в данный момент быстро бежит*. В первом случае общая пропозициональная структура глагола *бежать* конкретизируется за счет дескриптивной характеристики субъекта *мальчик*, референциальной характеристики субъекта *этот* (наблюдаемый мальчик, известный мальчик или мальчик, о котором шла речь) и оператора *очень*, который применяется к характеристике действия. В высказывании *Этот мальчик в данный момент быстро бежит* появляется новый компонент, который указывает на то, что для субъекта речи выделенным является не только субъект движения (мальчик), но и сам факт движения (наблюдаемого в данный момент).

Кроме структурных имеются пропозициональные операторы референтности, которые выступают в материальных или нулевых формах. Это так называемые пропозициональные установки, соотносящие высказывание с конкретным возможным миром. В типичном случае такая пропозициональная установка включает перцептивный предикат, ср.: *Я вижу, что на скамейке сидит человек*. За счет содержания пропозициональной установки аргументы *на скамейке* и *человек*, а также предикат *сидит* интерпретируются как референтные. Довольно часто пропозициональная установка отсутствует, и тогда референтная рамка говорящего вводится с помощью общего репрезентативного режима речи (которому, видимо, соответствует конкретное значение прагматической функции высказывания – ‘описание’), ср.: *На скамейке сидит человек* – предполагается, что говорящий (в соответствии с нормой) описывает наблюдаемое положение вещей.

Сформулируем основные выводы данной работы.

1. Фундаментальные положения современной лингвистической семантики, заимствованные из логики, нуждаются в серьезном пересмотре. Фактический материал естественных языков не подтверждает широко принятого деления предметных и предикатных имен как референтных и нереферентных символов. Референция и истинностное значение высказывания зависят не только от денотативного статуса аргументов, но и от степени определенности лексического значения предикатов.

2. Имеются предикаты двух типов: пропозициональный и атрибутивный (последнему в традиционной грамматике соответствует сказуемое). Пропозициональный предикат – номинативная, а именно – ситуативная категория, отражающая объективное отношение участников описываемой высказыванием ситуации. Аtribuтивный предикат – ментальная, а именно – интерпретативная категория. Как двусторонняя языковая единица, сказуемое обладает планом содержания (‘то, что сообщается о предмете речи’) и планом выражения (который обычно реализуется личной формой глагола).

3. Номинация осуществляется с опорой на ситуацию, поэтому в основе каждого значения лежат пропозициональные структуры. Номинативные знаки допускают три уровня конкретизации своего значения, которым соответствуют синтаксическая, дескриптивная и референ-

тная функции знака. Градация семантической определенности является общей для предметных и предикатных слов. Подобно аргументам, предикаты различаются определенным и неопределенным денотативным статусом. Для выражения денотативного статуса предикатов используются структурные и пропозициональные операторы. Высказывания с предикатами, которые имеют неопределенный денотативный статус, характеризуются аналитической истинностью, а высказывания с предикатами, которые имеют определенный денотативный статус, – синтетической истинностью.

4. Семантическая структура «знак – сигнификат – денотат» является универсальной: она характерна не только для предметных, но и для предикатных слов. Интенционал предиката включает 1) дескрипторы регулярных аргументов, заполняющих места, которые обусловлены валентностью предиката; 2) симптомы обозначаемого отношения (такие, как цель, результат, назначение, причина и т.п.); 3) характеристики данного отношения (предикаты второго порядка). Экстенционал предиката – это отношение предметов конкретной ситуации, для которых высказывание с данным предикатом может иметь значение истины или лжи.

5. Соотношение категорий «предикат/аргумент» и «референтность/нереферентность» представляется таковым: а) аргументы всегда референтны; б) нереферентные символы всегда предикатны; в) референтные символы могут быть предикатными или аргументными; г) предикаты могут референтными или нереферентными символами.

Литература

- Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах, [w:] ИАН ОЛЯ. Т. 53. 1994. № 4.
- Арутюнова Н.Д. Предикат // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 392.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Москва, 1976.
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // Вопросы языкознания. 1989. № 3.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Москва, 1985.
- Гак В. Г. Номинация действия, [w:] Логический анализ языка. Москва, 1992.
- Гуревич В. В. О семантике неопределенности, [w:] Филологические науки. 1983. № 1.
- Казаков А.Н., Якушев А.О. Логика. I. Парадоксология. Москва, 1994.
- Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. Ленинград, 1988.
- Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Ленинград, 1986.
- Киклевич А. К. Об индексальных выражениях с семантикой посессивности (на материале русского и немецкого языков) // Славяно-германские языковые параллели. Минск, 1996.
- Киклевич А. К. К универсальному определению семантических категорий // Доповіди та повідомлення Міжнародної конференції “Проблеми зіставної семантики”. Київ, 1997.
- Киклевич А. К. Номинативная семантика высказывания в теоретико-функциональной модели // Проблемы семантического описания единиц языка и речи. Материалы докладов Международной конференции. Ч. 1. Минск, 1998.
- Киклевич А. К. Лекции по функциональной лингвистике. Минск, 1999.
- Киклевич А. К. Персональность и другие семантические категории, [w:] Jachnow H. et al. (eds.). *Personalität und Person*. Wiesbaden, 1999. S. 173–202.
- Корсаков С.С. К психологии микроцефалов // Хрестоматия по патопсихологии. Москва, 1981.
- Косеска-Тошева В., Гаргов Г. Българско-полска съпоставителна граматика. Т. 2. Семантичната категория определеност/неопределеност. София, 1990.
- Левицкий Ю.А. Денотат, сигнификат, референт // Парадигматические отношения в языке. Свердловск, 1991.
- Логический словарь. Дефорт. Москва, 1994.
- Мартынов В.В. Кибернетика. Семиотика. Лингвистика. Минск, 1966.
- Монтегю Р. Прагматика и интенциональная логика // Семантика модальных и интенциональных логик. Москва, 1981.
- Мустайоки А. Аспектуальные разряды положения вещей в функциональном синтаксисе, [w:] *Studia Slavica Finlandensia*. 1993. X. С. 63–91.
- Ревзин И.И. Структура языка как моделирующей системы. Москва, 1978.
- Семантические типы предикатов. Ред. О. Н. Селиверстова. Москва, 1982.

- Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Москва, 1985.
- Теория функциональной грамматики. Субъективность. Объективность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. С.-Петербург, 1992.
- Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. Москва, 1974.
- Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. Москва, 1977.
- Чейф У.Л. Значение и структура языка. Москва, 1975.
- Barwise J., Perry J. Situationen und Einstellungen. Grundlage der Situationssemantik. Berlin – New York, 1987.
- Daneš F. Věta a text. Studie ze syntaxe spisovne češtiny. Praha, 1985.
- Grzegorzczukowa R. Wprowadzenie do semantyki językowej. Warszawa, 1990.
- Helbig G. Probleme der Valenz- und Kasustheorie. Tübingen, 1992.
- Karolak S. Kwantyfikacja a determinacja w językach naturalnych. Warszawa, 1990.
- Schwenk H.-J. Studien zur Semantik des Verbalaspekts im Russischen. München, 1993.
- Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. Berlin – New York, 1991.